

РОКОВЫЕ ГОДЫ

(ИЗ ВОСПОМИНАНІЙ)

16. — КОНЕЦ ДУМСКОЙ «ИДИЛЛИИ». — «АДРЕС» ДУМЫ, ОТВѢТ ГОРЕМЫКИНА И ДУМСКАЯ РЕЗОЛЮЦІЯ «НЕДОВѢРІЯ». — РОСПУСК ИЛИ «КАДЕТСКОЕ МИНИСТЕРСТВО»? — МОЯ БЕСѢДА С Д. Ф. ТРЕПОВЫМ; МОИ УСЛОВІЯ И ЕГО ПЛАН. — МОЯ БЕСѢДА С ЕРМОЛОВЫМ. — МИНИСТЕРСКІЙ СПИСОК ТРЕПОВА. — КОЛЕБАНИЯ ЦАРЯ И РОЛЬ В. Н. КОКОВЦЕВА. — МОЯ БЕСѢДА СО СТОЛЫПИНЫМ. — П. ИЗВОЛЬСКІЙ. — РЫНЕНИЕ ЦАРЯ. — ВОПРОС О РОСПУСКѢ ДУМЫ ВСТУПАЕТ В ПОСЛѢДНЮЮ ФАЗУ.

Я подхожу теперь к разсказу о моей личной роли в эпизодѣ с проектом «кадетскаго министерства». Мнѣ приходилось писать об этом неоднократно; но только теперь, сопоставляя свои личные воспоминанія с опубликованными воспоминаніями других близких к событіям лиц, я могу возстановить весь ход событій в их внутрешней связи и в хронологической послѣдовательности. Начать приходится с напомниманія о том поединкѣ между Г. Думой и правительством, который и поставил на очередь вопрос о составленіи «министерства довѣрія».

Идиллія первой Думы продолжалась недолго. Я называю «идилліей» настроеніе тѣх немногих дней, когда можно было сколько-нибудь разсчитывать провести задуманный руководящей партіей план в, так сказать, «парламентарном» порядкѣ. Надежда на это была с самаго начала очень слаба; но она, все же, не все отсутствовала. В духѣ нашего плана священнодѣйствовал на предсѣдательском мѣстѣ С. А. Муромцев, ожидая в своем пассивно-замкнутом величій поступков со стороны депутатов. Надо сказать, что он и был мало посвящен в эти поступки — особенно в процессъ их возникновенія. Послѣдній раз, как член фракціи, он присутствовал на открытіи нашего кадетскаго клуба, в двух

шагах от Таврическаго дворца, и тут же предупредил, что, по избраніи предсѣдателем, он не может дѣйствовать, как член отдѣльной группы, а потому выходит из фракціи. Мы тогда находили это вполне естественным. Среди депутатов — тоже «священнодѣйствовал» М. М. Винавер, придавая поступкам Думы парламентскую стилизацію. Обращеніе царя к депутатам в Зимнем дворцѣ мы, с этой точки зрѣнія, назвали «тронной рѣчью», а отвѣчать на нее рѣшили «адресом», который представит монарху думская депутація в личной аудіенціи. У нас было, при этом, сознаніе, что этим шагом и должно ограничиться, при парламентарном режимѣ, прямое обращеніе Думы к монарху. Мы поэтому рѣшили использовать форму «адреса», чтобы вложить в него все наши пожеланія — как имѣющія осуществиться в предѣлах законодательной власти палаты, так, в особенности, тѣ требованія, осуществленіе которых зависѣло от сочувственнаго воздѣйствія со стороны царской прерогативы. В эту послѣднюю категорію входила адресованная царю просьба о полной амнистіи, указаніе на невозможность работать с Государственным Совѣтом и на необходимость устранить предѣлы, только — что созданные для законодательной компетенціи Г. Думы помимо ея участія в этих актах законодательства. Тут же была подчеркнута и необходимость «перенесенія» отвѣтственности перед народом с монарха на «министерство, пользующееся довѣріем большинства Думы» и т. д. Текст адреса был составлен к. д.; я принимал участіе в его составленіи и, помнится, написал один из двух вариантов — но, должно быть, не тот который был принят за основу и принадлежал, сколько помню, М. М. Винаверу (Кокошкин был болен). При всей сдержанности выраженій адреса, программа наша была в нем развернута во всѣх своих частях, и поле предстоявшаго боя с министерством очертилось вполне опредѣленно. Вызов и был немедленно принят, причем объ категоріи заявленій адреса были смѣшаны вмѣстѣ, и получалось, для полемических цѣлей, нѣкое *lèse - majesté*. Гр. В. Н. Коковцев рассказал подробно в своих воспоминаніях, в какой обстановкѣ произошло начало министерскаго похода против Думы. Донесенія губернаторов (министру внутр. дѣл Столыпину) единогласно говорили о «нрастаніи революціоннаго под'ема и об отсутствіи способов бороться с ним». «Власть совершенно дискредитирована», докладывали они, «и общее вниманіе обращено только на Думу». Горемыкин и Столыпин регулярно докладыва-

ли эти донесения государю. Мнение царя было пока неизвестно министрам — да едва-ли и было окончательно составлено; но в совете министров «не было разноречий». «Уступка натиску Думы недопустима». Коковцев формулировал три положения, представлявшиеся особенно недопустимыми: «отмена права собственности в порядке принудительного отчуждения», «отмена основных законов и переход к ответственному министерству» и «захват всей власти управления народным представительством». Для настроения министров характерно отметить, что ни «отменять собственность», ни «захватывать всю власть» Дума вовсе не собиралась, а на ответственном министерстве и на пересмотре основных законов настаивала, как сказано выше, отнюдь не с тем настроением, «революционного захвата», о котором «ежедневно» свидетельствовали напуганные губернаторы. В боевом духе и была составлена В. И. Гурко — этим *enfant terrible* реакции — та декларация, в ответ на адрес Думы, которую министры предпочли более мягкому проекту Щегловитова. Горемыкин «едва слышно» прочел ее, не ссылаясь на полномочия царя, в Думе 13 мая. Сам царь тогда еще колебался. Перед самым 13 мая, он говорил, что ему идея министерского выступления не нравится; не следовало-ли бы ему, как «настаивают» некоторые окружающие (по сообщению Гурко, это был А. П. Извольский, предлагавший форму речи царя «с трона») лично обратиться к Думе? Это было бы, правда, несколько своеобразное, продолжение игры в «парламентаризм». Но Столыпин и Коковцев решительно возражали против личного вмешательства царя, и царь с ними согласился, — жалеть лишь, что министерская декларация была недостаточно решительна.

Как известно, жесткая и слабо мотивированная нотация Думе, прочтенная Горемыкиным, с совершенно уже незаконным объявлением аграрного проекта «недопустимым», вызвала цѣлую бурю среди депутатов. Она и положила конец «идиллии». Депутаты — не только к. д. и трудовики, но и М. М. Ковалевский и гр. Гейден — доказывали неконституционность декларации и в один голос кончали свои речи требованием отставки правительства и замене его ответственным министерством. Единогласно была принята и формула «недовѣрія». Совет министров, под этим настроением, уже через день решил, что Думу необходимо распустить. Разница мнений состояла лишь в том, сделать ли это немедленно, или «посмотреть, какой оборот примут заседания» и «какую тактику примет

руководящая партія». Только А. П. Извольскій возражал. Рѣшено было «зорко слѣдить за дѣйствіями Думы и получить заблаговременно полномочія государя». Это тогда зависѣло от Горемыкина.

Слѣдующій мѣсяц — до середины іюня — прошел в этом «зорком слѣженіи». В матеріалах для критики, конечно, не было недостатка. Но царь продолжал медлить. Горемыкин погрузился в молчаніе и, очевидно, хитрил, выжидая подходящей кон'юнктуры. Министры продолжали громко негодовать, но Гурко правильно характеризовал поведеніе Горемыкина: «болтайте, сколько хотите — я буду дѣйствовать, когда найду нужным». Столыпин, все еще чувствовавшій себя новичком в Петербургѣ и упорно молчавшій в засѣданіях министров, тоже выжидал своего часа. Секрет этой неопредѣленности положенія нѣсколько выяснился, когда царь, на очередном докладѣ, сказал Коковцеву, что «с разных сторон он слышит, что дѣло не так плохо» и Дума «постепенно втянется в работу». Царь видѣл тут «отголоски думских разговоров»; по другим свѣдѣніям, в англійском клубѣ высказывался в этом духѣ в. кн. Николай Михайлович. На самого Николая II эти «диллетанскія» вліянія шли уже тогда из ближайшаго и вліятельнаго окруженія, — через такого довѣреннаго лица, как министр двора Фредерикс, — Трепов, сдѣланнаго дворцовым комендантом. Он твердо вел свою линію. Коковцев, сторонник роспуска Думы, совѣтовал Столыпину «поближе присмотрѣться к обоим». Он вспоминал, что уже в началѣ мая во дворцѣ Трепов спросил его «как он относится к идеѣ министерства, отвѣтственнаго перед Думою и составленнаго из людей, пользующихся общественным довѣріем». На возраженія Коковцева, Трепов, смотря на него в упор, спросил: «вы полагаете, что отвѣтственное министерство равносильно полному захвату власти и из'ятію ея из рук монарха, с претвореніем его в простую декорачію»? На эту ироническую попытку свести такое мнѣніе к абсурду, Коковцев, не смущаясь, отвѣтил, что «допускает и большее»; «замѣну монархіи совершенно нною формою государственнаго устройства», т. е. очевидно, республикой. Но кругом стояла публика, и этот интересный обмѣн мнѣній не продолжался.

Столыпин и Коковцев были правы, подозрѣвая, что здѣсь рождалась и крѣпла ненавистная им мысль о единственной возможной конституціонной альтернативѣ. Если не роспуск Думы, то отвѣтом на резолюцію недоувѣрія должно было быть сформированіе «министерства довѣрія». За свой страх, Трепов, поддерживае-

мый ген. А. А. Мосоловым — женатым на его сестрѣ — начал развѣдку относительно возможных кандидатов. Мосолову «было извѣстно» его обращеніе ко мнѣ, Муромцеву и «другим выдающимся кадетам». Роль посредника принял на себя англійскій корреспондент — не из видных, но выполнявшій, повидимому, закулисные порученія вліятельных сфер, «безносый» Ламарк. I. В. Гессен рассказал о том, как Ламарк пробовал навязать И. И. Петрункевичу встрѣчу с Треповым, но наткнулся на упорное сопротивление. Наш «патріарх» отвѣтил ему, что без разрѣшенія партіи не имѣет право входить в переговоры с правительством, и от налаженного уже Треповым свиданія отказался. Я не помню, слышали я тогда от Петрункевича об этом предложеніи. Но затѣм я и сам получил тогда-же от Ламарка то же предложеніе. Спрашивать разрѣшеніе фракціи при ея настроеніи было безнадежно; уклониться же от встрѣчи, когда на очередь стал этот самый вопрос о министерствѣ, и когда другого выхода, кромѣ роспуска Думы, не было, — а отвѣтственного министерства мы сами требовали, — я не считал возможным. Свиданіе ни к чему не обязывало и могло ограничиться простой информацией. О близости Трепова к царю и о его «всемогуществѣ» я тогда не имѣл яснаго представленія и не думал, что встрѣча может привести непосредственно к какому-нибудь рѣшающему шагу. И я согласился. Встрѣча состоялась в ресторанѣ Кюба, и этим рестораном меня потом долго травили прознавшіе про встрѣчу газетчики. Своей фракціи я о свиданіи не докладывал, не сообщил о нем тогда даже и самым близким людям. Только значительно позднѣе, уже во время третьей Думы, я глухо упомянул о нем в полемикѣ со Столыпиным (см. ниже), а затѣм в 1909 году дал подробный отчет в «Рѣчи» (1909 г., 17 февраля ном. 46). Я не нашел, к сожалѣнію, в Парижѣ этого номера газеты и не сохранил в памяти всѣх подробностей, которыя там изложены. Постараюсь припомнить, что могу. Это свиданіе я считаю самым серьезным из всѣх, которыя затѣм послѣдовали по тому же вопросу и о которых расскажу дальше.

Генерал Трепов, разумѣется, не был политиком — и этим об'ясняется самая возможность такого шага, как свиданіе с таким страшилищем, каким я представлялся в этой средѣ. Он так и смотрѣл, очевидно, на задуманный им вариант, как на равносильный скачку с пятого этажа. Но когда дом горит и выбора нѣтъ, приходится прыгать. В своем діагнозѣ положенія «дилетант» Трепов,

несомнѣнно, оказался дальновиднѣе всѣхъ официальныхъ политиковъ — и Горемыкина, и Столыпина, и Коковцева, не говоря уже о министрахъ реакціи, какъ Стишинскій или кн. Ширинскій - Шахматов, назначенные царемъ въ министерство Горемыкина, — или помощникъ Столыпина, Гурко. Трепов судилъ просто, по здравому смыслу, и двигала имъ преданность государю и искреннее желаніе спасти его и династію. Это видѣлъ и царь, когда потомъ говорилъ Коковцеву о людяхъ, которые «нѣсколько наивны въ пониманіи государственныхъ дѣлъ, но добросовѣстно ищутъ выхода изъ труднаго положенія».

Итакъ, наше свиданіе состоялось — и протекло въ очень любезныхъ тонахъ. Изъ насъ двоихъ я былъ больше на-сторожѣ. Треповъ прямо приступилъ къ темѣ, предложивъ мнѣ участвовать въ составленіи «министерства довѣрія». Я прежде всего отвѣтилъ ему тѣмъ, что мнѣ приходилось въ эти мѣсяцы часто повторять и устно, и печатно. Нельзя выбирать лицъ; надо выбирать направленія. Чтобы использовать авторитетность лицъ и популярность представляемаго ими направленія, «нельзя входить въ private переговоры и выбирать изъ готовой программы то, что нравится, отбрасывая то, что не подходитъ... «Надо брать живое, какъ оно есть — или не брать его вовсе... Обмануть тутъ нельзя; кто попытался бы это сдѣлать, обманулъ-бы только самого себя... Дѣло не во внѣшней реабилитаціи власти, при сохраненіи внутренней сущности; дѣло въ рѣшительной и безповоротной перемѣнѣ всего курса». Такъ излагалъ я печатно свои соображенія, высказанныя Трепову въ началѣ нашего разговора. Я не помню, ставилъ-ли Треповъ формально вопросъ о т. наз. «коалиціонномъ» министерствѣ; но мысль о немъ заранѣе устранялась приведенными заявленіями. Всякая «торговля» тутъ исключалась.

Генералъ это понялъ: съ его планомъ и связывалось потомъ представленіе о «кадетскомъ министерствѣ». Наша дальнѣйшая бесѣда велась уже не о «лицѣ», а о политической «программѣ». Не долго думая, Треповъ вынулъ записную книжку, взялъ карандашъ, и дѣловымъ тономъ спросилъ меня объ условіяхъ вступленія въ министерство членовъ к. д. партіи. Онъ при этомъ не ограничился записью пунктовъ, уже извѣстныхъ ему изъ отвѣтнаго адреса Думы, а вдавался въ разсужденія по поводу каждаго изъ пред'явленныхъ мною пунктовъ. Это была самая интересная часть бесѣды, и я очень жалѣю, что не могу воспроизвести ее съ полною точностью.

Пунктовъ было, кажется, семь, считая тутъ и основное условіе

— образование отвѣтственнаго министерства из думскаго большинства. По коренному вопросу о нашей аграрной программѣ с ея «принудительным отчужденіем», которое оказалось камнем преткновения» для Горемыкина, Коковцева и Столыпина, Трепов неожиданно для меня сразу выразил полное согласіе: видимо, он об этом думал раньше. Но он внес — тоже обдуманно — одну существенную оговорку. Крестьяне должны были получить дополнительный надѣл *из рук царя*, а не из рук Думы, — путем царскаго манифеста. Цѣль была тут, очевидно, та же, как и при опубликованіи уступок 17 октября царским манифестом, а не общаніями графа Витте в его докладѣ. На вопросѣ об амнистіи генерал, напротив, уперся. «Царь никогда не помилет царевубійцъ». Напрасно я старался убѣдить его, что это — дѣло прошлое, что все это нужно отвести в исторію, что амнистія необходима именно в цѣлом видѣ, чтобы вызвать соответствующій перелом настроенія, что «царевубійцы» вообще рѣдкій тип людей, выходящій из употребленія, что, наконец, именно тут нужно личное проявленіе царской воли, единственно уполномоченной на акт амнистіи, а, слѣдовательно, и благодарность будет направлена к личности царя. Все было напрасно: Трепов, очевидно, лучше знал психологію царя и царицы и об этом пунктѣ тоже заранѣе подумал. Но в книжку все-таки записал. Всеобщее избирательное право, разумѣется, никакого сопротивленія не встрѣтило: оно же вѣдь было полуобѣщано, а виттевскій избирательный закон 11 декабря, с его крестьянами и священниками, проклинался на всѣх соборах. На нем Витте погубил, послѣ выборов, свое положеніе: это сказал ему сам царь на прощаніе. Пересмотр основных законов, новая конституція, созданная учредительной властью Думы, «с одобренія государя», отмѣна Государственнаго Совѣта — все это вовсе не приводило генерала в священный ужас, а просто принималось к свѣдѣнію и записывалось в книжку без возраженій. Трепов вѣдь не был законовѣдом. Как бы то ни было, общее впечатлѣніе, произведенное на Трепова моими пунктами, было, очевидно, впечатлѣніем возможности дальнѣйших переговоров на этой основѣ. Доказательством был не только дружелюбный тон в концѣ разговора, но и оставленный мнѣ номер спеціального телефона, по которому Трепов предложил сноситься с ним в Петергофѣ. При дальнѣйшем ходѣ дѣла воспользоваться телефоном мнѣ, правда, не пришлось. Но с легкой руки Трепова «дилеттантскіе разговоры» о министерствѣ продолжались

— по прямому порученію государя. Я тогда не ожидал, что мой разговор с Треповым так скоро дойдет до царскаго слуха, и не связывал именно этого разговора с послѣдовавшими фактами.

Из них первым до меня дошло приглашеніе С. А. Муромцева встрѣтиться у него дома с министром земледѣлія Ермоловым. Я опять-таки не знал, что (по свидѣтельству ген. Мосолова) у Муромцева тоже было свиданіе с Треповым. Мнѣ Муромцев сказал только, что Ермолов желает со мной познакомиться, как с одним из возможных кандидатов. Но уже сам Ермолов начал нашу бесѣду с заявленія, что говорит со мной «по порученію государя». Бесѣда, в очень благодушном тонѣ, шла на общія политическія темы. На подробностях Ермолов не останавливался, и, вѣроятно, поэтому содержаніе разговора не сохранилось в моей памяти. Помню только, что наша встрѣча, по сообщенію Муромцева, все время молчавшаго, произвела на Ермолова благопріятное впечатлѣніе. Что послѣ нея вопрос стал болѣе серьезно, видно было из того, что вслѣд за нею, тоже по порученію государя, я был приглашен Столыпиным для переговоров с ним в его лѣтнем помѣщеніи на Аптекарском островѣ. Но тут, при упомянутом уже настроеніи Столыпина, результат встрѣчи оказался совершенно иной.

Повидимому, еще до разговора со мной — и отнюдь не «от имени государя», а в порядкѣ «зоркаго слѣженія» — Столыпин пробовал говорить об опасной затѣѣ с Фредериксом. Но — «у него такой сумбур в головѣ, что просто его понять нельзя», — так передал Столыпин результат разговора Коковцеву. В виду «вліянія Трепова на государя», он обѣщал Коковцеву «непремѣнно говорить» и с ним. Однако, до этого, кажется, не дошло. Может быть, эта осторожность была вызвана тѣм, что, с своей стороны, и Трепов не бездѣйствовал. Он составил (без моего вѣдома, конечно) примѣрный список членов министерства довѣрія и довел его — сам или через Фредерикса — до свѣдѣнія государя. Вот этот список, как, по памяти, возстановил его В. Н. Коковцев:

Предсѣдатель совѣта министров — Муромцев.

Министр внутренних дѣл — Милюков или Петрункевич.

Министр юстиціи — Набоков или Кузьмин-Караваев.

Министр иностранных дѣл — Милюков или А. П. Извольскій.

Министр финансов — Герценштейн.

Министр земледѣлія — Н. Н. Львов.

Государственный контролер — Д. Н. Шипов.

Министры военный, морской, двора — «по усмотрѣнію Е. В.».

Ни Столыпина, ни Коковцева в этом списокѣ не было. Это было почти «кадетское» министерство. На министров «по усмотрѣнію его величества» и я соглашался уже в разговорѣ с Треповым: это была неприкосновенная территория царской прерогативы. Н. Н. Львов по Саратову был довольно близко знаком со Столыпиным и пользовался его сочувствіем; из партіи к. д. он вышел, главным образом, по несогласію с нашей аграрной программой. Он был одним из тѣх, на кого крестьянскія волненія и поджоги дворянских усадеб произвели глубокое впечатлѣніе. Я отчетливо помню, как произошел в нем этот перелом послѣ поѣздки через зону крестьянских демонстрацій, о которой, под свѣжим впечатлѣніем пережитого, он нам рассказывал, пріѣхав прямо оттуда на кадетское совѣщаніе. Страстный по темпераменту, горячій, нервный оратор, когда зажигался, Н. М. Львов импонировал своим чистосердечіем и убѣжденностью — до фанатизма. О Д. Н. Шиповѣ я уже говорил: славянофил особаго, нѣсколько туманнаго типа, потом конституціоналист «по приказу его величества», человекъ насквозь честный, он хорошо понимал политическое положеніе — и сознательно отстранился от хода событій, уйдя на теоретическую позицію «мирнаго обновленія».

Когда именно был составлен список «кадетскаго» министерства, мнѣ неизвѣстно. Но между 15 и 20 іюня царь показал этот «любопытный документ» Трепова (не называя автора) В. Н. Коковцеву, послѣ его очереднаго пятничнаго доклада. Он, очевидно, приступил к своей обычной системѣ опроса мнѣній, не предрѣшая пока собственнаго рѣшенія. Даже в передачѣ Коковцева видно это состояніе колебанія и нерѣшительности, свойственное государю перед принятіем важных рѣшеній. «Я не отвергаю сразу того, что мнѣ говорят», так передает слова царя В. Н. Коковцев. «Мнѣ было очень больно слушать сужденія, разбивающія лучшія мечты всей моей жизни, но вѣрьте мнѣ, что я не приму рѣшенія, с которым не мирится моя совѣсть и, конечно, взвѣшу каждую мысль, которую вы мнѣ высказали и скажу вам, на что я рѣшусь. До этой поры не вѣрьте, если вам скажут, что я уже сдѣлал этот скачек в неизвѣстное». Направленіе мысли царя ясно из этих слов; но видно и то, что Николай II еще рѣшенія не принял — и не считал невозможной уступку, противорѣчившую его «лучшим мечтам».

Что отвѣчал царю Коковцев? В «охватившем его волненіи» он прочел царю импровизированную лекцію, приспособленную к царскому пониманію и не очень считавшуюся с наукой государственнаго права. Он старался доказать опасность передачи власти «невѣдомым людям», имѣющим свой взгляд на «объем власти монарха», который не отвѣчает взглядам государя, и на невозможность для царя послѣ этого «распоряжаться через голову правительства исполнительными органами без того, что принято называть государственным переворотом». На естественный вопрос царя: «что же нужно дѣлать, чтобы положить предѣл тому, что творится в Думѣ, и направить ея работу на мирный путь?» — Коковцев отвѣчал именно программой «государственного переворота». «Готовиться к роспуску Думы и к неизбежному пересмотру избирательнаго закона». Этого как раз очень настойчиво требовали тогда дворянскія и черносотенныя организациі, принимаемыя и выслушиваемыя государем под сурдинку. «Государь долго стоял молча передо мною», повѣствует Коковцев; потом «крѣпко пожал руку»... и отпустил с вышеприведенным напутствіем. Лично Коковцев думал — «и в ту пору, и сейчас», — что у царя «не было ясно назрѣвшей мысли допустить переход власти в руки кадетскаго министерства». Это — очень скромный и осторожный вывод: вопрос был въдѣ не в этом, а в том, «назрѣла» ли уже у царя мысль не допускать перехода. Коковцев этого сказать в ту минуту еще не мог и продолжал преувеличивать опасность. Предстояло продолжать борьбу. Въдѣ и сам Столыпин, ближайшій соратник, «был далеко не один, кому улыбалась в ту пору идея министерства из людей, облеченных общественным довѣріем», правда, совсѣм не в кадетском смыслѣ.

Только что вернувшись домой послѣ откровенной бесѣды с царем, Коковцев получил визит убѣжденнаго противника Трепова — его брата Александра, который эту борьбу уже вел. Он пріѣхал «прямо от Горемыкина», повторявшаго только своим усталым тоном, что «все это чепуха», — и «не рѣшался говорить со Столыпиным, который чего добраго, сам «участвовал» во всей этой комбинаціи». А. Ф. Трепов умолял Коковцева «открыть глаза государю на катастрофическую опасность затѣи» этого «безумца»... Ген. Мосолов в своих воспоминаніях приписывает такую же роль другому брату Д. Ф. Трепова, Владимиру. Однако, через четыре дня А. Ф. вторично пріѣхал к Коковцеву, уже вполне успокоенный.

«Брат вызвал его в Петергоф, был очень мрачен» и сказал ему, что «от окруженія Столыпина он слышал, что вся комбинація канула в вѣчность, так как все болѣе назрѣвает роспуск Думы». Это происходило, стало-быть, по хронологіи Коковцева, 19—24 іюня.

И тут, однако-же, Трепов не складывал оружія. В эти самые дни он дал агентству Рейтера интервью, опубликованное в Лондонѣ и вызвавшее мою статью в «Рѣчи» 27 іюня. В нем он утверждал, что «ни коалиціонное министерство, ни министерство, взятое вѣвѣ Думы, не дадут странѣ успокоенія». Необходимо образовать новое министерство «из кадетов, потому что они — сильнѣйшая партія в Думѣ». Правдѣ, теперь она «дает свободу дѣйствій трудящимся, чтобы напугать правительство близостью революціонной опасности», но этот союз «будет разорван, когда центр будет призван к власти». Трепов соглашался, что министерство к. д. «сопряжено с большим риском, но страна находится в таком положеніи, что слѣдует пойти на этот риск. Если даже это средство не поможет, придется — и *только тогда* — обратиться к крайним средствам». Я не думаю, чтобы под этим «крайним средством» Трепов разумѣл свою собственную диктатуру и заранѣе считал проект «кадетскаго» министерства лишь подготовительным маневром. Этот план приписывают ему люди, для которых было немислимо подумать, что о «кадетском» министерствѣ вообще можно говорить серьезно. И Трепов, и Фредерикс, и Мосолов говорили и думали об этом серьезно, — как видно и из их дальнѣйшаго поведенія.

Однако, в том же интервью я прочел и отвѣтъ Трепова на мои вопросы. Он теперь «безусловно отвергал принцип экспроприаціи» и находил «невозможным говорить» о полной амнистіи. Мнѣ пришлось печатно повторить, что партія не может отказаться от своих позицій по этим вопросам, не теряя своего лица. Она уже дала доказательства своей устойчивости, борясь с лѣвыми бурями и правыми настроеніями. Принся жертву вступленія во власть, она обязана «не отказываться от своей внутренней сущности и у власти остаться тѣм, чѣм она была у избирательных ящиков». Ея задача «пе в том, чтобы возводить новыя укрѣпленія на заранѣе потерянной позиціи», а в том, чтобы «разоружить революцію, заинтересовавъ ее в сохраненіи новаго порядка». «Россія» и «Новое Время», вмѣшавшіяся тогда в эту полемику, доказывали, что партія «хитрит», что у нея «два лица», что она «безсильна удержать лѣвых от болѣе грандіознаго выступленія». Столыпин напечатал в

«Стравѣ» официальный циркуляр, а его орган «Россія», давая «свѣдѣнія о дѣйствительныхъ взглядахъ и предположеніяхъ правительства», бросилъ новый свѣтъ на причины «нерѣшительности и медлительности правительства» по вопросу о перемѣнѣ правительства. Очевидно, этой «нерѣшительности» наступалъ конецъ, о чемъ и свидѣтельствовало «мрачное» настроеніе Трепова въ виду слуховъ, дошедшихъ до него изъ «окруженія Столыпина». Но самое это слово «нерѣшительность» показывало, что и сторонники, и противники Треповскаго плана не считаютъ борьбу законченною.

Таково было положеніе, когда состоялась моя встрѣча со Столыпинымъ на его дачѣ «по порученію государя». Я не помню точной даты, но, очевидно, это произошло вѣ «четыре дня», когда рѣшался вопросъ о судьбѣ министерскаго списка Трепова, т. е., по хронологіи В. Н. Коковцева, между 19 - 24 іюня. Позднѣе, мы увидимъ, что не позже 24-го вопросъ для Столыпина былъ уже рѣшенъ, и онъ уже приступилъ къ подготовительнымъ дѣйствіямъ (см. слѣдующую статью). Тонъ всей бесѣды какъ разъ соответствовалъ его личнымъ намѣреніямъ и тому моменту послѣдняго колебанія вѣсовъ, на который онъ долженъ былъ бросить свою рѣшающую гиру.

Я засталъ у Столыпина А. П. Извольскаго. Въ составѣ совѣта министровъ онъ, какъ сказано, былъ единственнымъ сторонникомъ приглашенія съ Думой путемъ образованія парламентскаго министерства. Его сильнымъ аргументомъ была ссылка на впечатлѣніе, производимое Думой въ Европѣ, и на отраженіе этого впечатлѣнія на русскомъ кредитѣ. Но это была какъ разъ та область, въ которую В. Н. Коковцевъ не терпѣлъ чужихъ вторженій. Заемъ въ Парижѣ онъ все-таки заключилъ, несмотря на намеки Клемансо, что хорошо - бы было назначить Милюкова премьеромъ. И Извольскій не имѣлъ вліянія въ совѣтѣ министровъ. На засѣданія онъ опаздывалъ, приходилъ съ какою-нибудь иностраннаго банкета съ дипломатическимъ моноклемъ въ глазу и съ цвѣткомъ въ петлицѣ, садился какъ-то бокомъ, лицомъ къ спинкѣ стула — вообще не производилъ впечатлѣнія серьезности. Во время нашей бесѣды со Столыпинымъ онъ все время молчалъ. Слухи о томъ, что Извольскій велъ со мной какіе-то сепаратные переговоры, совершенно невѣрны. Его роль въ переговорахъ со мной о министерствѣ довѣрія и ограничилась молчаливымъ присутствіемъ при нашей бесѣдѣ.

Въ противоположность Трепову, въ намѣренія Столыпина не входило дать мнѣ возможность высказаться по существу. У него,

очевидно, был собственный план бесѣды. План этот, как стало мнѣ ясно во время самой бесѣды, был направлен вовсе не к выясненію вопроса, а исключительно к подбору данных для составленія обвинительнаго акта. При этом, прямо не говорилось, о каком, собственно, министерствѣ идет рѣчь, «коалиціонном» или чисто «кадетском». Но обвиняками было скоро выяснено — для Извольскаго, что его участіе как министра иностранных дѣл возможно, а для Столыпина, что его участіе в роли премьера или министра внутренних дѣл безусловно исключено. Он, конечно, знал об этом и из Треповскаго списка. Я помню его ироническіе вопросы, обращенные ко мнѣ в этой связи. Понимаю-ли я роль министра внутренних дѣл? Вѣдь он в то же время и шеф жандармов и, слѣдовательно, завѣдует функціями, непривычными для к. д. Я отвѣтил ему — тоже в полу-ироническом тонѣ, что элементарныя функціи государственной власти кадетам прекрасно извѣстны и что об их роли в правительствѣ не слѣдует судить по их поведенію в качествѣ оппозиціи. Но их правительственная дѣятельность, быть может, измѣнит и характер выполненія этих функцій сравнительно с направленіем дѣятельности настоящаго министерства. I. В. Гессен по этому поводу приводит мою фразу: «Если я дам пятак, общество готово будет принять его за рубль, а вы дадите рубль — и его за пятак не примут». Не ручаюсь, может быть я и сказал что-нибудь подобное в кругу друзей, драматизируя смысл столыпинской бесѣды. Но во всяком случаѣ я не мог говорить в таком тонѣ со Столыпиным. Я, очевидно, повторял ему мой обычный аргумент, что только кадетское министерство может внести перелом в настроеніе общественнаго мнѣнія, но расплачиваться «пятаком за рубль» с общественным мнѣніем отнюдь не собирался. В этом, вѣдь, и состояла трудность положенія; об этом говорила приведенная статья «Рѣчи», в этом был и смысл моих постоянных заявленій, что надо брать не лица, а программу. Не знаю, знал ли Столыпин нашу программу; не знаю, имѣл - ли он свѣдѣнія — и какія — о моей бесѣдѣ с Треповым. Во всяком случаѣ, на вопросах программы он останавливался очень бѣгло и поверхностно, считая ее, очевидно, а limine неприемлемой. Он болѣе интересовался вопросом, включаю-ли я министров военнаго, морскаго и имп. двора в число подлежащих назначенію из к. д. Я отвѣчал, как и Трепову, что мы не намѣрены вторгаться в область прерогативы монарха. Портфель внутренних дѣл в эту прерогативу не входил,

и мнѣ показалось, что Столыпин окончательно потерял интерес к бесѣдѣ, как только выяснил себѣ, что его не хотят. Вѣдь говорит же В. И. Гурко, пристрастный и несправедливый мемуарист, но очень неглухой наблюдатель в той сферѣ, которая была непосредственно ему доступна, что «с самого начала его новой дѣятельности Столыпин рѣшил стать во главѣ правительства и преслѣдовал свою цѣль тонко и толково, перехитрив даже этого хитраго Улисса, Горемыкина». Гурко, правда, прибавляет дальше, что Столыпин поступал так «не из честолюбія», а Коковцев энергично опровергает этого рода подозрѣнія, раздѣлявшіяся и Витте. Но наблюденіе близкаго сотрудника подтверждается не только другими подобными-же наблюденіями, а и фактами всей дальнѣйшей дѣятельности Столыпина. Можно не из «честолюбія» считать себя спасителем отечества.

Извольскій, видимо не случайно, спустился со мною вмѣстѣ с верхняго этажа дачи, гдѣ происходила наша бесѣда, и предложил подвезти меня в своем экипажѣ. Короткая бѣлая ночь уже кончилась, было свѣтло и на улицах появлялись пѣшеходы, торопившіеся с покушками. Когда мы доѣхали до Невы, я обратил вниманіе министра на неудобство, если он будет узан в компаніи со столь опасным собесѣдником. Он согласился, замѣтив только, что та же опасность грозит и его кадетскому спутнику. Я поблагодарил, и мы разстались. Все же, на этом коротком пути Извольскій успѣл сказать мнѣ, что понимает Столыпина, который незнаком с европейскими политическими порядками, но что сам он отлично сознает значеніе политических требованій прогрессивных кругов, не раздѣляет взглядов Столыпина и чувствует себя гораздо ближе к нашим мнѣніям о своевременности коренной политической реформы, которая сблизит нас с Европой и облегчит миссію министерства иностранных дѣл за-границей.

О результатѣ нашей бесѣды со Столыпиным я узнал значительно поздиѣ; он оказался именно таким, как я и ожидал. В моей рѣчи 13 февраля в третьей Гос. Думѣ я упомянул о свиданіи со Столыпиным, и указал, как на цѣль этого свиданія, на «предварительные переговоры о кадетском министерствѣ». Политическое положеніе с тѣх пор настолько измѣнилось, что Столыпин счел себя уязвленным этой формулировкой и «Освѣдомительное бюро» немедленно напечатало опроверженіе. В нем говорилось: «предсѣдатель совѣта министров н и к а к и х, даже предварительных

переговоров о составленіи кадетскаго министерства или о предложеніи министерских портфелей членам к. д. партіи с П. Н. Милюковым не вел. В іюнь 1906 г. П. Н. Милюков был приглашен к министру вн. дѣл Столыпину, согласно высочайшему указанію, исключительно для выясненія планов и пожеланій преобладающей в то время в Государственной Думѣ к. д. партіи. Во время разговора с министром П. Н. Милюков подробно выяснил свой взгляд на положеніе вещей и категорически высказал, что единственным выходом из него было бы образованіе кадетскаго министерства, причем даже коалиціонное министерство не могло бы спасти страну. Разговор этот был немедленно доложен его величеству с заключеніем министра внутренних дѣл о том, что выполненіе желаній к. д. партіи могло бы лишь самым гибельным образом отразиться на интересах Россіи, каковое заключеніе было его величеством всецѣло одобрено».

Не буду приводить подробно моего отвѣта, который я тогда же напечатал в «Рѣчи». Я указал, что почин бесѣды исходил не от партіи, а свыше; что предложеніе участвовать в составленіи министерства была мнѣ сдѣлано уже ранѣе «высоким сановником, близким к государю», имя котораго я могу назвать; что другой «высокій сановник» присутствовал при бесѣдѣ со Столыпиным. С третьим я бесѣдовал отдѣльно, — и всѣ трое относились к вопросу сочувственно. Во всяком случаѣ, подчеркивал я, и согласно опроверженію О. Б. все же обсуждался вопрос — хотя бы о «коалиціонном министерствѣ». Я упомянул и о «примѣрном спискѣ» кабинета, и о «препятствіи», заключавшемся в моем несогласіи «сохранить нѣкоторых членов существующаго кабинета», а также и о продолжительном ходѣ «переговоров» еще до «высочайшаго порученія», даннаго Столыпину. Я, наконец, отрицал возможность ссылаться на «желаніе» всей партіи, не освѣдомленной о моих «переговорах», за исключеніем «одного или двух членов». На все это возражать было нельзя, — и освѣд. бюро оставило меня в покоѣ.

За то сообщеніе о рѣшеніи государя соотвѣтствовало дѣйствительности; нельзя только утверждать, что оно состоялось только в зависимости от доклада Столыпина о результатѣ нашего разговора. Недѣлю спустя послѣ приведеннаго разговора царя с Кокорцевым, т. е. около 22 - 27 іюня (ближе к 27-му) государь его «успокоил». «Я могу сказать вам теперь, что я никогда не имѣл в виду пускаться в неизвѣстную для меня даль, которую мнѣ совѣ-

товали испробовать. Я не сказал этого тѣм, кто мнѣ предложил эту мысль, — конечно, с наилучшими намѣреніями, ... и хотѣлъ провѣрить свои собственныя мысли... То, что вы мнѣ сказали, сказали также почти всѣ, с кѣм я говорил за это время, и теперь у меня нѣтъ болѣе никаких колебаній, — да их и не было на самом дѣлѣ, потому что я не имѣю права отказаться от того, что мнѣ завѣщено моими предками и что я должен передать в сохранности моему сыну». — В подлинности этого заявленія Николая II нѣтъ никаких основаній сомнѣваться: он повторил здѣсь «любимую мечту всей своей жизни».

У В. Н. Коковцева была теперь и личная причина поставить вопрос о роспускѣ Думы ребром. Он всего дважды — но очень неприятно для себя — лично столкнулся с Думой: 15 іюня в комиссіи и 23 іюня в общем собраніи по выигрышному для правительства законопроекту об ассигнованіи 50 милл. на помощь голодающим. Как извѣстно, Дума воспользовалась случаем, чтобы расширить тему далеко за предѣлы законопроекта и подчеркнула свое недовѣріе министерству, урѣзав очередной кредит до 15 милл. Это дало правительству сильный аргумент против Думы. Коковцев сам получил порцію криков «в отставку»; его обстоятельных дѣловых об'ясненій никто не хотѣлъ слушать. Этого вынести он не мог — и предложил министрам апеллировать к Государственному Совѣту. Горемыкин с обычной флегмой отклонил ретивость Коковцева — на том основаніи, что Государственный Совѣтъ, все равно, не захочет ссориться с Думой. Обиженный Коковцев этим не удовлетворился. На слѣдующій день (24-го) он поѣхал со Столыпиным к Горемыкину убѣждать его, что «дѣла нельзя оставить в таком положеніи». Из этой попытки опять «ничего не вышло»; но Горемыкин согласился, чтобы Столыпин переговорил с Муромцевым. Ѣздил туда Столыпин или нѣтъ, Коковцеву неизвѣстно. Но в тот же день Столыпин извѣстил неугомоннаго коллегу суммарно, что «из этого ничего не вышло; приходится махнуть рукой на Думу и на всякую возможность с ней работать». Он не сказал только, что уже получил на это царское полномочіе. Однако же, именно в это время Столыпин поручил Крыжановскому «устроить возможность свиданій и разговоров с Муромцевым», очевидно, в числѣ подготовительных мѣр, — и Крыжановскій «установил с Муромцевым добрыя отношенія». Муромцев «охотно шел навстрѣчу, но с первых же минут обнаружилась и его несамостоятельность, и малый вѣс в

руководящих кругах партіи. Предлогом для бесѣд послужил все тот же проект муромцевской конституціи; тема, ловко выбранная министерским чиновником. Крыжановскій скоро замѣтил, что Муромцева особенно интересовали вопросы «протокола»: как встрѣтиться с правительством, кто должен сдѣлать первый шаг, и т. д., — вопросы «близкіе его формальной душѣ профессора римскаго права». Аграрный вопрос, главный камень преткновенія, Муромцев рѣшал очень легко: он просто предлагал «растянуть рѣшеніе при нѣкотором искусствѣ лѣтъ на тридцать и болѣе». «Так ни до чего договориться и не успѣли», — резюмировал посланец Столыпина разговоры этого рода.

Муромцев, дѣйствительно, был человекъ со странностями. В сборникѣ, посвященном его памяти, я написал статью, в которой признавал — и даже преувеличивал — всё его качества. Но обойти вопрос о его «формализмѣ» не мог и там. Формализм Муромцева проявлялся — притом с опредѣленной тенденціей — когда еще мы готовились к Думѣ. Когда разрабатывался наш проект конституціи, Муромцев принес мнѣ лист с аккуратно наклеенными выдержками из прежних основных законов: он непременно хотѣл внести в наш текст всё старинныя выраженія эпохи Сперанскаго. Он не преминул упомянуть об этой своей заслугѣ — внесенія казеннаго стиля — и на нашем ноябрьском с'ѣздѣ. Когда шли во фракціи совѣщанія о первых шагах нашего поведенія в первой Думѣ, он удивлял меня, подсаживаясь ко мнѣ в самый разгар горячих преній и спрашивая моего мнѣнія о каком — нибудь самом мелком вопросе наказа, который он готовил. Преній он не слушал; наши рѣшенія его не интересовали; мысль его текла сторовой, совершенно независимо от нас. Соотвѣтственно и установились сдержанныя отношенія между ним и фракціей. Фракція не знала ни его близкаго окруженія, ни его личных взглядов, но подозрѣвала тут что — то неладное.

Как бы то ни было, тотчас послѣ 23 іюня и заявленія царя Кокковцеву, вопрос о роспускѣ Думы вступил в послѣдній рѣшительный фазис. Что стало при этом с проектом «министерства до-вѣрія», мы дальше увидим.

П. Милюков